

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Город Омск в дореволюционный период

Страницы предыстории

Современная городская территория была освоена человеком за многие тысячелетия до возникновения Омска. Это доказывают археологические памятники – стоянки, городища, могильники, святилища, клады и случайные находки, обнаруженные по берегам Иртыша и Оми в пределах городской черты. К началу 1960-х гг. краеведом А. Ф. Палашенковым в Омске было зарегистрировано свыше 30 памятников древности. С расширением и застройкой городской территории многие из них оказались разрушенными и уничтоженными. Но часть памятников в границах города была изучена специалистами. Например, курганный могильник на северной окраине Омска (сейчас – район нефтеперерабатывающего комбината), комплекс памятников «Омская стоянка» и могильник на левобережье Иртыша, городища Большой Лог и Сперановское на правом берегу Оми, грунтовой могильник у д. Ростовка Омского района на левом берегу Оми. Эти и другие памятники относятся к разным археологическим эпохам, принадлежат разным этносам, их представителям свойственны разные культурные и антропологические черты. Однако есть то, что их объединяет: это реальные источники, позволяющие осуществить реконструкцию предыстории Омска на протяжении каменного века – позднего средневековья. Письменных и иных видов источников по интересующей нас теме – предыстории Омска – пока не выявлено.

Несколько слов об истории вопроса. Памятники древности Омского Прииртышья стали изучаться с XVIII в. участниками Великих Академических экспедиций под ру-

ководством Д. Г. Мессершмидта (1685–1735), Г. Ф. Миллера (1705–1783) и других ученых. Древности на территории Омска оказались в поле зрения специалистов позже – во второй половине XIX в. Из исследователей конца XIX в. следует назвать А. П. Плахова – активного деятеля Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, изучившего курганный могильник в районе д. Николаевки (ныне – северная окраина города); врача, краеведа и коллекционера С. А. Ковлера, открывшего Омскую стоянку в 1918 г. Активным сбором подъемного археологического материала на территории города в 1920-е гг. занимался профессор-минералог П. Л. Драверт (1879–1945), раскопки Омской стоянки вела в 1927–1928 гг. археолог Западно-Сибирского краевого музея В. П. Левашова (1900–1974). Неоценим вклад А. Ф. Палашенкова (1886–1971) (на протяжении 1943–1959 гг. директора краеведческого музея), собравшего ценные сведения о памятниках археологии Омского Прииртышья и Омска в частности. Талантливые археологи В. Н. Чернецов (1905–1970), В. Ф. Генинг (1924–1993), В. И. Матющенко (1928–2005), В. А. Могильников (1932–2002) в 40–60-х гг. XX в. провели раскопки на памятниках в черте и в окрестностях Омска. Материалы могильника Ростовка приобрели мировую известность. Однако, несмотря на достаточно содержательный и разнообразный археологический материал, сколько-нибудь обстоятельного очерка по предыстории города все еще нет.

Самые ранние следы пребывания первобытного человека были обнаружены на комплексе памятников «Омская

Наконечник копья или дротика. Камень. Среднеиртышская культура.
Неолит – энеолит. III–II тыс. до н. э. Омская стоянка.
Из фондов ОГИК музея

Гарпун. Кость. Среднеиртышская культура.
Неолит – энеолит. III–II тыс. до н. э. Омская стоянка.
Из фондов ОГИК музея

«Янусовидное» скульптурное навершие. Кость. Екатеринская культура. Энеолит (?). III тыс. до н. э. Омская стоянка.
Из фондов ОГИК музея

стоянка», что протянулся на сотни метров вдоль левого берега Иртыша в районе р. Замарайки у Ленинградского моста. В 1927 и 1988 гг. памятник раскапывали московские и омские археологи. Однако большинство находок – многие тысячи каменных и глиняных, а также костяных, бронзовых и железных изделий – поступили в Омский государственный историко-краеведческий музей от любителей-краеведов.

Комплекс состоит из нескольких разновременных и разнотипичных памятников. Древний человек с некоторыми перерывами жил здесь с VI тыс. до н. э. по XIII–XIV вв. н. э. Среди каменных наконечников стрел, ножевидных пластин и отщепов есть экземпляры, которые могли быть изготовлены еще в среднекаменном веке (мезолит), в VI тыс. до н. э. Более того, в коллекции с Омской стоянки, что хранится в музее археологии Омского государственного педагогического университета, есть каменное ядрище (нуклеус), которое, по заключению академика А. П. Окладникова (1908–1981), может быть датировано концом древнекаменного века (верхний палеолит), т. е. XII– X тыс. до н. э.

Однако основная часть каменного инвентаря относится к новокаменному веку (неолиту), ко второй половине V – первой половине III тыс. до н. э. Неолитические мастера из местных и привозных из Северного Казахстана или с Южного Урала пород камня, используя подставки – наковаленки и ретушеры, вытесывали разнообразные наконечники стрел и копий, ножи, скребки, проколки. С нуклеусов скалывались ножевидные пластины с острыми боковыми лезвиями. Перечисленные находки, а также множество расколотых костей диких животных говорят об активной охотничье-промысловой деятельности неолитического человека. Он добывал быстрого лося, проворную косулю, осторожного волка, свирепую росомаху, пугливого зайца, ходил на пушных зверей и птицу. Разнообразие охотничьих орудий и добычи – свидетельство существования индивидуальной и коллективной охоты; при индивидуальной использовались лук и стрелы, капканы и самострелы. Коллективом устраивали загонную охоту, сооружая многокилометровые изгороди и направляя сюда лосей. Именно так поступали в XVIII–XIX вв. коренные жители Западной Сибири (ханты, манси, селькупы) – далекие потомки неолитического человека. Охота давала мясо (как известно, отдельные особи лося весят до 500 кг), шкуры, жир, сухожилия, рога и кость – два последних являлись ценным поделочным материалом. И тем не менее охота не была ведущим занятием. С эпохи неолита эта роль принадлежала рыболовству, надежному и стабильному поставщику продуктов, к тому же занятию им было круглогодичным. Ловили рыбу сетями, сплетенными из крапивных и конопляных ниток, на притоках устраивали запоры-ловушки, пользовались также удочками. В культурном слое Омской стоянки собраны кости щуки, карася, окуня, а также остатки осетровых.

На Омской стоянке открыты также следы древнейшей в нашем крае мастерской по изготовлению каменных орудий в виде скопления нуклеусов и отходов производства – отщепов и сколов. Ее жители были также пионерами в изготовлении местной керамики – глиняных горшков яйцевидной формы емкостью 1–5 л, украшенных по стенкам горизонтальными зигзагами, ямками и насечками. Вылепленные женскими руками (последний факт удалось установить по отпечаткам пальцев) горшки и чаши сушились, на их стенки наносились рисунки, затем мастера обжигали посуду на костре. Сосуды были низкого качества, но ими широко пользовались и для варки пищи, и для хранения продуктов. Жители активно занимались резьбой по кости: найдены гарпуны, рыболовные крючки, наконечники стрел, а также фигурки животных и птиц. Одна из фигурок (она подобрана в районе Омской стоянки) воспроизводит голову мало распознаваемого существа – медведя (?), рыбы (?), лосося (?), птицы (?). Человек этой поры пользовался и деревом, вырезая из него дубинки, бумеранги, мебель. В сибирских условиях археологическое дерево сохраняется редко, но в уральских неолитических торфяниковых стоянках обнаружены многочисленные деревянные изделия.

На Омской стоянке открыт и древнейший для нашего региона могильник V – первой половины IV тыс. до н. э. Примерно на глубине 1 м были откопаны две могилы, частично перекрывавшие друг друга. В первой, нижней, находились останки мужчины (длина скелета более 2 м) в возрасте 24–30 лет, во второй – верхней могиле – женщины (длина скелета около 1,75 м) в возрасте 20–25 лет. Оба скелета принадлежали представителям европеоидной расы с примесью монголоидности. Мужское погребение оказалось безынвентарным.

Вблизи шейных позвонков женского скелета лежали два просверленных клыка россомахи, а у правого колена находились каменные ножевидные пластины и скребок. Характер находок позволил датировать оба погребения эпохой неолита (V – первой половиной IV тыс. до н. э.). Погребений в районе раскопа, заложенного экспедицией археологов Омского педагогического института под руководством Б. А. Коникова в 1988 г., было больше: в процессе работ встречены разрозненные кости от скелетов, разрушенных в прошлом. Инвентарь и антропологические черты захороненных людей дают основание включить могильник на левобережье Иртыша в круг неолитических памятников Омского Прииртышья и Барабы.

Судьба неолитических жителей Омской стоянки пока не разгадана. Можно лишь предполагать постепенную трансформацию их культуры в культуру населения эпохи раннего металла. В слое Омской стоянки собрано множество фрагментов лепных горшков с рисунками, характерными для энеолита (медно-каменный век). Смешанность антропологического типа людей, погребенных здесь, говорит

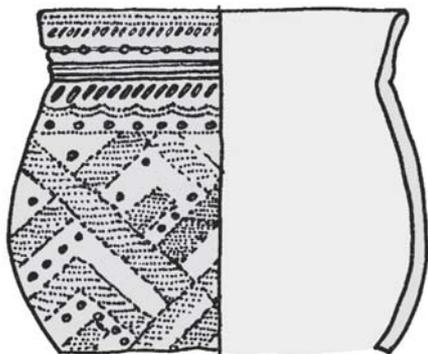
о сложном характере происхождения населения стоянки, присутствии разных групп, возможно, местных и пришлых. Неолитические жители Нижнего Приомья, как и их соседи к северу и востоку, находились в зоне контакта европеоидов и монголоидов. Обитатели стоянки принадлежали, скорее всего, к восточной ветви уральской языковой семьи, к которой сейчас относится большинство коренных народов Западной Сибири: ханты, манси, селькупы, энцы и нганасаны. Какая-то их часть, пройдя через наполненные событиями периоды раннего металла и железного века, приняла участие в формировании сибирских татар позднего средневековья.

Со второй половины IV тыс. до н. э. местное население начинает использовать в качестве сырья для создания украшений и орудий труда привозную медь. С этого времени нынешняя городская территория входила в ареал расселения населения екатерининской культурно-исторической общности, получившей свое название от наименования стоянки, раскопанной археологами у с. Екатерининское Тарского района Омской области. Екатерининское население заселило лесостепь и тайгу Обь-Иртышского междуречья, оставив здесь множество стоянок и поселений. Екатерининцы Омской стоянки унаследовали от своих предшественников оседлый образ жизни, эффективные рыболовство и охоту. Однако они не были простыми подражателями. В местную культуру екатерининцы внесли скотоводство (начали разводить лошадей) и металлургию меди. Металл к ним поступал с юга, скорее всего, из Северного Казахстана, где велась едва ли не «промышленная» по масштабам добыча цветного металла. На Омской стоянке собраны многочисленные обломки яйцевидных лепных горшков, стенки которых покрыты типично «екатерининским» орнаментом: ритмичными зигзагами из оттисков гребенчатого штампа и поясками ямок. С екатерининцами связана часть каменного инвентаря: наконечники стрел и копий, шлифованные топоры и тесла из зеленоватого сланца. Свои следы екатерининцы оставили в разных частях города, в частности, на территории, рядом с которой ныне располагается ТЭЦ-5 (нынешняя восточная окраина города, по Сыропятскому тракту).

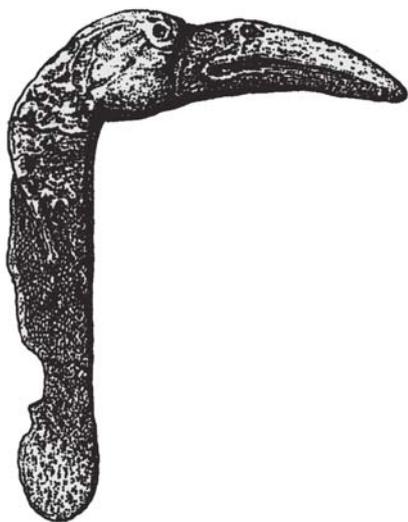
Со II тыс. до н. э. начинается эпоха бронзы (бронза – сплав меди, олова или других ингредиентов). Почти на 1 500 лет устанавливается господство нового металла, хотя, как и прежде, производятся многочисленные орудия из камня, дерева и кости. География и количество памятников эпохи бронзы позволяют заключить, что большая часть городской территории была освоена именно в это время. На протяжении бронзового века рассматриваемую территорию заселяли представители разных культур, они сменяли друг друга в хронологическом пространстве, но иногда соседствовали и враждовали. Носители одних были связаны родственными узами, другие – принадлежали

Фрагмент сосуда*. Керамика. Екатерининская культура.
Энеолит. III тыс. до н. э. Омская стоянка.
Из фондов ОГИК музея

Фрагмент сосуда*. Керамика. Андроновская культура.
Эпоха развитой бронзы. II тыс. до н. э. Омская стоянка.
Из фондов ОГИК музея

Ворон. Скульптурно оформленное навершие*. Кость. Кротовская культура. Эпоха развитой бронзы. II тыс. до н. э. Могилиник Сопка 2 (Новосибирская область). Из фондов ИАЭТ СО РАН

к разным языковым, антропологическим и культурным сообществам.

Центральная часть городской территории была вовлечена в сферу хозяйствования именно в эпоху развитой бронзы. И связано это событие с андроновцами – исконным населением Южной Сибири и Казахстана, часть которого в середине II тыс. до н. э. продвинулась на север, до границы прииртышской тайги и лесостепи. С собой андроновцы принесли развитое бронзолитейное производство, скотоводство и земледелие. Андроновцы прочно обосновались на Омской стоянке, здесь также находился их металлургический центр. Представление о нем дают бронзовые вещи: обломок серпа, копья, ножи, наконечники стрел, а также вырезанные из мягкого камня литейные формы (хранятся в Омском государственном историко-краеведческом музее). В то же время андроновцы продолжали пользоваться и каменными орудиями: наконечниками стрел и копий, теслами, топорами, обработанными высокосовершенной техникой – отжимной ретушью.

Несравненно больше на Омской стоянке найдено обломков андроновских лепных горшков с плоским дном, обожженных, по-видимому, в специальных печах и украшенных по стенкам характерным орнаментом в виде геометрических узоров. Андроновские узоры на глиняной посуде оказались удивительно долговечными, сохранившись на одежде современных хантов, манси и казахов. Это не случайное совпадение, а свидетельство преемственности современных и древних культур, разделенных тысячелетиями.

Есть веские основания полагать, что на месте городской больницы № 1 (ул. К. Либкнехта, 3), вблизи впадения Оми в Иртыш, находился андроновский могильник. Здесь при земляных работах в 1912 г. рабочими были найдены пять человеческих черепов, а также бронзовые нож, бляха и наконечники стрел. Всё было передано в музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

Следы пребывания андроновцев в черте города отмечены в районе современного торгового комплекса «Каскад» и в районе судоремонтного завода. В первом случае обнаружены бронзовые топор-кельт и украшения, во втором – бронзовый топор-кельт с рельефными узорами на стенках. Оба изделия хранятся в Омском государственном историко-краеведческом музее (ОГИК музей).

В андроновское время военные столкновения на прииртышских землях, давние, но эпизодические спутники человеческого общества, стали явлением постоянным. О причинах войн можно только строить гипотезы. Желание отвоевать тучные пастбища и плодородные земли, захватить стада скота или выгодные торговые пути – эти и другие причины побуждали к строительству поселков с мощной обороной (сюда входили земляные валы и рвы, дозорные

башни) – городищ. Такие городища, очевидно, были и в пределах городской черты; воинственные клики и звон оружия не раз звучали на берегах Иртыша и Оми. Большинство ученых считают северных андроновцев предками угров – древнего народа, прямыми потомками которого являются современные ханты, манси и венгры.

В черте города в эпоху развитой бронзы проживали представители кротовской культуры. Они были современниками андроновцев, оставили после себя свидетельства в виде фрагментов от глиняных горшков и банок в районе Кемеровского спуска, на Омской стоянке, на городище Большой Лог. Судя по уникальным материалам, полученным при исследовании в среднем течении Оми академиком В. И. Молодиным (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук – ИАЭТ СО РАН, Новосибирск) памятника Сопка 2, кротовцы были замечательными металлургами и коневодами. Они вели многоотраслевое хозяйство, куда входили и скотоводство, и земледелие, но значительную роль играли охота и рыболовство. Их посуда – горшки и банки с плоским дном – были украшены по стенкам, а иногда по дну узорами из оттисков гребенчатого штампа и ямками.

В середине II тыс. до н. э. на левобережье Оми стал функционировать грунтовой могильник эпохи развитой бронзы, получивший свое название по деревне, где он находился, – ростовкинский. Здесь профессором В. И. Матющенко, работавшим в те годы в Томском университете, было вскрыто 38 могил, содержащих захоронения людей в различной погребальной традиции: по обряду труположения, трупосожжения, без головы, отдельно только голова. Многие из погребенных сопровождалась разнообразным инвентарем: каменными наконечниками дротиков, стрел, бронзовыми крупными наконечниками копий, кельтами, костяными лапами, стеклянными бусами и бисером, золотыми серьгами. Мировую известность могильнику под Омском принесли две находки: бронзовый нож с рукоятью, увенчанной скульптурной композицией – мужчина в круглом головном уборе, с монголоидными чертами лица, стоящий на лыжине и держащий за узду или оглоблю невысокую степную лошадку. Вторая находка – бронзовый кельт, который, будучи насаженным на г-образную рукоять, мог представлять собою и грозное оружие, и орудие труда. На его боковой стенке в невысоком рельефе в профиль изображен горный козел – экзотическое для степей животное. Хранятся находки в музее археологии и этнографии Томского государственного университета (МАЭ ТГУ).

Едва ли не первыми в Прииртышье ростовкинские мастера стали создавать украшения из золота и нефрита. Их месторождения находятся далеко за пределами нашего края: так, ближайшие залежи нефрита известны в Восточной Сибири и Средней Азии. Эти факты, как и многие другие, свидетельствуют о прочной включенности ны-

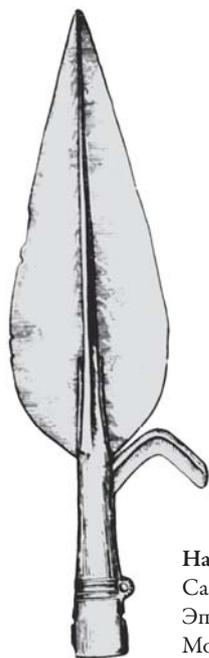
нешней городской территории в эпоху развитой бронзы в евразийскую обменно-торговую сеть. Качество и количество бронзового инвентаря из Ростовки говорит о существовании в окрестностях Омска крупного бронзолитейного центра, связанного с европейским и алтайским металлургическими центрами. Материалы позволяют выдвинуть версию о бытовании касты профессиональных воинов – дружинников. Нож с композицией принадлежит к изделиям княжеского ранга. Характер погребального обряда и инвентаря, зафиксированные факты особого обращения с телами умерших указывают на синкретичность верований людей. В них переплетались шаманистские представления, элементы магии, тотемизма и других культов. Ростовкинское население не оставило свидетельств о своей судьбе, материалы могильника по-прежнему таят много загадок.

Примерно с IX в. до н. э. городская территория вошла в ареал расселения носителей ирменской культурно-исторической общности. Своё название она получила по поселению Ирмень в Новосибирской области. Ирменцы унаследовали многие элементы культуры андроновцев, однако в технике и хозяйстве ушли далеко вперед. Так, именно ирменцы развернули массовую отливку орудий труда, оружия, предметов быта и украшений из бронзы. Коневодство и земледелие в их время стали господствующими отраслями экономики, именно в их среде вывели условия для перехода в степи к кочевому скотоводству. Показателем этого революционного открытия являются находки в культурном слое костяных псалий – деталей конской узда. Имущественное и социальное расслоение разделило ирменское общество на вождей, шаманов, профессиональных воинов, земледельцев, скотоводов, ремесленников и торговцев.

По имеющимся ныне данным, именно ирменцы первыми заселили городище Большой Лог на восточной окраине Омска, положив начало существованию здесь крупного центра дорусской культуры в Среднем Прииртышье. Городище было открыто в 1937 г. школьником И. Калугиным, раскапывалось московскими, екатеринбургскими и омскими археологами. Это один из самых крупных памятников в Среднем Прииртышье. Его площадь свыше 15 гектаров, из которых исследовано около 2,5 тыс. кв. м.

В ирменскую эпоху городище было застроено крупными наземными прямоугольными домами с бревенчатыми стенами и земляным полом, по центру находился очаг, возле стен – земляные ямы для хранения припасов. Жилища населяли патриархальные семьи численностью до 30 чел., зимой здесь же содержался и скот. Скорее всего, с уязвимой стороны поселок был укреплен земляным валом и рвом.

Скотоводство и земледелие удовлетворяло основные потребности ирменцев. Они разводили для еды крупный и мелкий рогатый скот, коней, забивая двух-трехлетний молодняк. Кости дробили для извлечения мозга.

Наконечник копья. Бронза.
Самусьско-ростовская общность.
Эпоха развитой бронзы. II тыс. до н. э.
Могилиник Ростовка.
Из фондов МАЭ ОмГУ

Выращивали пшеницу и ячмень, вероятно, пользовались пахотными орудиями и тягловой силой животных. Рыболовство и охота являлись вспомогательными занятиями. О рыболовстве можно судить по десяткам земляных ям, в которых сохранились чешуя и кости язя, нельмы, карася, щуки. Кроме того, археологи откопали десятки раздавленных ирменских глиняных сосудов с костями (варилась уха?) или с костями и чешуей рыбы. Рыбу добывали в Оми и на Иртыше, используя для этого запоры, ловушки, сети и удочки. Охота на лося, косулю, волка, зайца велась с помощью самострелов, лука и хитроумных ловушек. Была не чужда ирменцам и конная охота.

Ирменское натуральное хозяйство покоилось на гончарном, бронзолитейном, косторезном, кожевенном, деревообрабатывающем ремеслах. Керамисты лепили посуду вручную, проводя предварительно поиск и отбор сырья и подыскав оптимальное соотношение между глиной и отощителем. На стенки горшков костяными или деревянными штампами наносились узоры из резных треугольников, ямок, «жемчужин», нарезок и насечек. Иногда на горлышко сосуда лепили горизонтальный «воротничок». Посуда делилась на кухонную и столовую. Столовая была более высокого качества, аккуратно и богато орнаментирована.

Многочисленные заготовки – лосиные рога и рога косули, а также готовые изделия и полуфабрикаты демонстрируют развитость косторезного ремесла. Из бронзы отливали пластинчатые ножи, четырехгранные шилья, наконечники стрел. В войнах ирменцы пользовались луками и бронзовыми двухлопастными наконечниками стрел, топорами, ножами, костяными панцирями. Воины сражались в пешем строю, появилась и легкая кавалерия. Ирменская общность включала в свой состав предков угров и самодийцев. Судьба этой общности просматривается достаточно отчетливо. Ее создатели приняли участие в формировании культур раннего железного века, в частности саргатской.

Территория будущего города на рубеже перехода от бронзового века к раннему железному веку (X–VIII вв. до н. э.) была обжита пришельцами с севера, из южнотаежного Прииртышья, – красноозерцами. Для них была характерна керамика, украшенная так называемым крестовым орнаментом. На городище Большой Лог собрана выразительная коллекция глиняных лепных сосудов, украшенных именно этим орнаментом (хранятся в музее археологии и этнографии Омского педагогического университета – МАЭ ОмГПУ; раскопки 1992 и 1994 гг. под руководством Б. А. Коникова). Складывается впечатление, что красноозерцы и ирменцы мирно сосуществовали в пределах одного поселка.

С VII в. до н. э. в Среднем Прииртышье начинается эпоха раннего железного века, завершившаяся в IV–V вв. н. э. Новый металл (железо) оказал самое благотворное влияние на все стороны жизни первобытных коллективов,

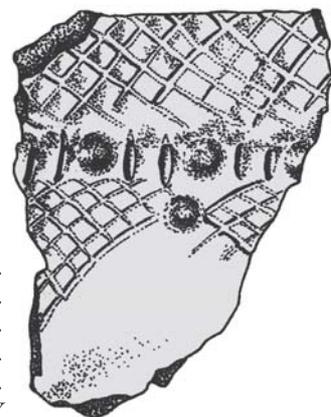

Скульптурная композиция «Конный лыжник» – навершие рукоятки ножа. Бронза. Самусьско-ростовская общность.
Эпоха развитой бронзы. II тыс. до н. э.
Могилиник Ростовка.
Из фондов МАЭ ТГУ

в том числе хозяйство и военное дело. В эту эпоху на нынешней городской территории проживали представители двух крупных культурных общностей: саргатской и кулайской (ближе к рубежу эр). Саргатская культура сформировалась на основе нескольких культур позднебронзового века, в нее вошла и часть потомков андроновцев. Саргатские следы присутствуют на Большом Логу. Это, главным образом, фрагменты крупных лепных сосудов с небрежным орнаментом по стенкам (ямки, резные линии, образующие горизонтальную «елочку»). Именно саргатцам принадлежал курганный могильник у д. Николаевка, раскопанный в конце XIX в. А. П. Плаховым. Саргатская глиняная посуда встречается по берегам р. Оми – в районе Кемеровского спуска и в створе ул. Яковлева. Саргатцы были европеоидами с примесью монголоидности и являлись предками хантов, манси и венгров. По одной из гипотез, верхушка саргатского общества могла состоять из представителей пришлого с юга иранского этноса. Их создатели достигли в своем развитии уровня раннеклассовой государственности. Основу жизнеобеспечения саргатцев составляли скотоводство, причем в решающей степени коневодство, а также охота и рыболовство. Их дополняли собирательство и, возможно, земледелие. Саргатцы вели активную торговлю с разными народами и странами, особенно велика была роль китайского импорта.

Саргатцы были преимущественно аборигенами Среднего Прииртышья, кулайцы же пришли в Приомье в конце I тыс. до н. э. с северо-востока Западной Сибири. Их следы отмечены на Омской стоянке и в районе Кемеровского спуска. Наиболее крупным кулайским центром было городище Большой Лог. Кулайцы обжили мыс и прилегавшую к нему территорию, возвели с угрожаемых сторон земляной вал и ров, построили жилые прямоугольные постройки с земляным полом и узким коридором. Они энергично занимались разведением коней, крупного и мелкого рогатого скота, рыболовством и охотой. Железо оставалось на вторых ролях, основным сырьем им служили кость и бронза. Из кости вырезали наконечники стрел, пряжки, гребни. Блестящим образцом кулайского искусства является гребень с полуовальным щитком и девятью зубьями (хранится в музее археологии и этнографии Омского педуниверситета). На одной стороне щитка вырезаны две хищные птицы в геральдической позе (повернуты друг к другу). На второй стороне гравировкой выполнены эскизы двух птиц и морда барана (?). По существовавшим представлениям гребни охраняли душу человека, помещавшуюся в волосах. Из бронзы отливали крупные трехлопастные наконечники стрел, украшения, культовые фигурки животных, птиц и человека.

Следы кулайской общности отмечены и на городище Сперановском (правобережье р. Оми), в культурном слое которого собрана большая коллекция глиняной посуды,

Фрагмент сосуда. Керамика.
Ирменская культура.
Эпоха поздней бронзы.
X–VIII в. до н. э.
Городище Большой Лог.
Из фондов МАЭ ОмГПУ

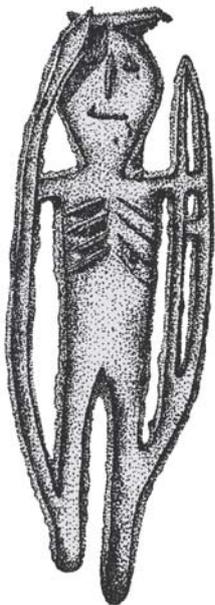
Жезл с изображением
головы коня. Камень.
Саргатская культура.
Ранний железный век.
III–II вв. до н. э.
Случайная находка.
Волчий поселок
Москаленского района.
(Омская область).
Из фондов ОГИК музея

Ритуальный сосуд. Глина. Кулайская культура.
Ранний железный век. II–III вв. н. э. Городище Большой Лог.
Из фондов МАЭ ОмГПУ

Гребень с зооморфным декором. Рог. Кулайская культура.
Ранний железный век. II–III вв. н. э. Городище Большой Лог.
Из фондов МАЭ ОмГПУ

Воин с луком и копьем –
плоскорельефная литая пластина.
Бронза. Кулайская культура.
Ранний железный век. II–III вв. н. э.
Случайная находка в районе
городка Водников.
Из фондов ОГИК музея

Пряжка с антропоморфной фигурой.
Бронза, железо. Усть-ишимская культура.
Эпоха развитого средневековья.
X–XI вв. н. э. Поселение Кипо-Кулары III
(Омская область).
Из фондов ООМНИИ им. М. А. Врубеля

украшенная оттисками гребенчатого и фигурного штампов, а также железные и костяные наконечники стрел, костяные ножи для чистки рыбы, глиняная голова от фигурки лошади (раскопки 1965 г. археологов Уральского государственного университета под руководством В. Ф. Генинга). С кулайским военным зодчеством связаны и две линии оборонительных сооружений, возведенных на городище. Они состояли из валов и рвов, входы были оформлены в виде перемычек во рву. Кулайцами отлита бронзовая ажурная плоская фигура человека, в одной руке которого копьё, в другой – лук; она найдена в районе судоремонтного завода и представлена в экспозиции Омского государственного историко-краеведческого музея.

На Большом Логу археологами Омского педуниверситета под руководством Б. А. Конинова открыты два оригинальных кулайских погребения/жертвоприношения. Одно представлено черепом взрослого человека европеоидного с монголоидной примесью типа, в темени – отверстие, а по его краям – следы от ударов острым орудием. Возле черепа стоял плоскодонный глиняный сосуд с необычайно красивым рельефным фигурно-штамповым декором из рядов ямок, «уточек» и гребенчатого штампа (хранятся в музее археологии и этнографии Омского педуниверситета). Дно горшка украшали солярные рисунки, свидетельствующие о поклонении кулайцев дневному светилу. Сосуд подвешивался, для чего на противоположных краях устья имелись отверстия. Возле сосуда лежал черешок от необычайно крупного костяного наконечника. Такие наконечники употребляли в самострелах, настроенных на крупного зверя. Невдалеке от первого погребения располагалось второе, детское, безынвентарное. Возможно, оба захоронения связаны со святилищем. У предков западносибирских народов известны святилища на месте древних поселений, на которых приносились в жертву люди.

На Сперановском городище Е. М. Данченко со студентами (Омский педагогический университет) вскрыли культурные слои, содержавшие материалы еще одной культуры раннего железного века – богочановской, основным центром которой являлось южнотаежное Прииртышье. С ней связана небольшая коллекция глиняной лепной посуды и бронзовый нож (музей археологии и этнографии педуниверситета). Основу жизнеобеспечения пришельцев составляли охота и рыболовство, им также не чуждо было и занятие собирательством.

В IV–V вв. н. э. кулайская и саргатская общности прекращают существование. С участием их потомков на огромных просторах Ишимо-Иртышской тайги и лесостепи формируется потчевашская культура второй половины I тыс. н. э. Превосходные коневоды, удачливые охотники и рыболовы, потчевашцы оставили множество поселений, городищ и могильников. В пределах города это Омская стоянка, городище Большой Лог и Ростовка. Со стоянки происходят десятки обломков глиняной посуды, украшен-

ных рядами ямок и горизонтальными желобками. На городищах собраны боевые железные и костяные охотничьи наконечники стрел, множество фрагментов лепных горшков и чаш, украшенных оттисками гребенчатого штампа, ямками и горизонтальными желобками (представлены в коллекциях музеев археологии и этнографии омских классического и педагогического университетов, историко-краеведческого музея, а также областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля – ООМИИ). Основу экономики потчевашцев составляли скотоводство, в первую очередь коневодство, а также охота и рыболовство. Южными соседями потчевашцев, по имеющимся данным, были воинственные кочевники – тюрки. Центр их государственности располагался на Алтае. С тюрками у потчевашцев были и мирные торговые отношения, и боевые схватки. Потчевашцы являлись предками южных хантов.

Не исключено, что со второй половины I тыс. н. э. в южных районах, прилегающих к месту будущего Омска, проживали мадьяры, известные в этих местах, как было сказано уже выше, с саргатских времен. Значительная часть этих кочевников в IX в. покинула Западную Сибирь, перевалила через Урал и в конце IX в. оказалась на территории современной Венгрии, где мадьяры в течение нескольких веков ассимилировали жившие там германские и славянские племена и превратились в венгерский народ. Но какая-то часть мадьяр – видимо, небольшая и склонная к оседлому образу жизни – осталась в Западной Сибири и растворилась затем в составе казахов, барабинских и, возможно, тарских татар. Об этом говорят сохранившиеся родовые названия мадьяр (мадзар) у барабинцев и казахов и отдельные явления культуры (орнаменты, коновязные столбы и др.).

На рубеже IX–X вв. н. э. потчевашцев сменяет население усть-ишимской культуры. Начинается период наивысшего расцвета местной культуры в преддверии татаро-монгольской экспансии в Прииртышье. Усть-ишимцы бывали на Омской стоянке, где найдены фрагменты глиняных сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией и глиняная статуэтка (коллекция Омского историко-краеведческого музея). В усть-ишимцах видят южных хантов, чьи далекие потомки ныне проживают в низовьях Иртыша.

В течение IX–XIII вв. н. э. в пределах городской черты эпизодически появляются становища тюркоязычных кочевников-степняков. Возможно, с их пребыванием связано возникновение курганного могильника на левобережье Иртыша, в районе Птичьей гавани. В районе пригородного железнодорожного вокзала Омска археологами откопано захоронение тюркоязычного кочевника – степняка в воинском облачении. Наличие на территории города свидетельств пребывания здесь представителей кимако-кипчакского государственного образования (его центр располагался в верховьях Иртыша) позволяет по-иному оценить и степень социально-экономического развития региона.

Археологические свидетельства пребывания на нынешней городской территории барабинских татар, входивших в состав Сибирского ханства, открыты на таких памятниках, как городища Большой Лог и Сперановское. Их культурные слои с остатками материальной культуры относятся к позднему средневековью (XIV–XVI вв.). На Большом Логу В. Ф. Генингом и его коллегами (Уральский государственный университет) вскрыты остатки наземных жилищ и хозяйственных ям. Здесь же изучены глинобитные печи, возведенные на специально подготовленных площадках. Конструктивно такие печи сохранялись у барабинских татар до недавнего времени. Их основу составляли тонкие деревянные жерди, которые обмазывались глиной. Такие же очаги обнаружены и на Сперановском городище археологами Омского педуниверситета под руководством Е. М. Данченко. В культурном слое встречены также обломки глиняных лепных чаш и жаровен, их стенки заглаживались щепками или травой, стенки покрывались орнаментом: ямками, «жемчужинами», гребенчатым штампом. Из железа были изготовлены серп, топор и мотыжка; основная часть инвентаря (наконечники стрел, ручки, накладки на лук) вырезана из кости.

Убедительной представляется гипотеза, что в рассматриваемое время Большой Лог был одним из многочисленных городков Сибирского ханства. Другими словами, он являлся заметным центром ремесленного производства, торговли и административно-религиозным местом. Таким образом, в позднем средневековье территория будущего города входила в состав феодального образования – Сибирского ханства.

На Сперановском городище собрана немногочисленная коллекция предметов позднего средневековья, включавшая лепные глиняные горшки, украшенные ямками и оттисками крупного гребенчатого штампа, фрагменты берестяных туесков, а также астрагал (коленный сустав животного) с прочерченными рисунками, использовавшийся для игры (музей археологии и этнографии ОмГПУ).

Таким образом, территория будущего города на протяжении нескольких тысяч лет была заселена разными племенами и представителями различных культурно-этнических образований, принадлежавших к разным антропологическим типам и языковым семьям. Однако «стержнем» этнических процессов стало формирование здесь древних и средневековых угров, потомками которых являются современные ханты, манси и европейские венгры. Будущая городская территория входила в зону контакта угорского, иранского и тюркского этносов, что подтверждают, кроме археологических, также фольклорные, лингвистические и этнографические данные. Упорным и кропотливым трудом многих поколений были заложены основы цивилизации, предшествовавшей рождению на берегах Оми, согласно воле Петра I, российского города.